

ИЛЬЯ БУШМИН

СМЕРТЬ В КАРМАНЕ

CRIME SCENE

Илья Бушмин

Смерть в кармане

«Издательские решения»

Бушмин И.

Смерть в кармане / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747244-3

Взрыв, унесший жизни нескольких полицейских, открывает череду жестоких убийств в сердце Москвы. Неожиданно для себя в гуще этой истории оказываются двое сыщиков из отдела по борьбе с карманными кражами столичного метрополитена. Только теперь вместо любителей шарить по чужим карманам им придется столкнуться с самым настоящим террористическим заговором.

ISBN 978-5-44-747244-3

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Смерть в кармане

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-7244-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Этим вечером они начали рейд на родной кольцевой. В такие дни никогда не знаешь заранее, куда занесет тебя нелегкая. В этот раз нелегкая занесла их на «Юго-Западную». Гуцин наострился, как взявшая след гончая, когда на платформе у толпы поджидающих поезда пассажиров нарисовались двое подозрительных парней. Все, как его учили: у одного сумка в руке, второй с курткой на левом запястье.

– Кажется... – начал Гуцин, но договорить он не успел, потому что в наушнике рации прохрипел голос Богданова:

– Наш клиент.

Гуцин нашел глазами Богданова. Тот незаметно для набившихся на платформе обывателей кивнул на колонну. Около нее стоял ничем не примечательный тип. Неприметный с виду, лет 30, слегка горбоносый. Единственной приметой мог служить выдающийся кадык, дергавшийся над воротником его куртки и словно живущий собственной жизнью.

Подошел, грохоча, поезд. Когда толпа шорохом сотен сороконожек зашуршала подошвами к распахнувшимся дверям вагонов метро, Кадык отделился от колонны и направился к одному из них. Гуцин поймал пару его взглядов, которыми тот окидывал пассажиров с сумками.

– Наш, – сам с собой согласился Богданов.

Они с двух сторон двинулись к Кадыку. Но в самый последний момент тот потерял интерес к поезду. Шагнул назад, обернулся, словно ища кого-то. Помял газету, проводил глазами скрывшийся в тоннеле поезд – и зашагал к противоположному краю платформы.

– Озирается, сука, – шепнул Богданов Гуцину, поравнявшись с ним. – Почуял что-то. Чуйка, видать, хорошо развита. Не новичок.

Гуцин был новичком, поэтому промолчал. Без подсказок наставника он никогда не обратил бы внимания на этого ничем не выдающегося типа.

Подошел поезд. Гуцин и Богданов по сигналу последнего разделились и зашли с двух сторон, беря Кадыка в клещи. Тот явно колебался, гадая, попытать ему счастья в этом поезде, или все же не рисковать. Теперь Гуцин видел сомнения на его лице. Кадык действительно что-то почувствовал, и это ему категорически не нравилось.

В последний момент он все же шагнул в поезд. Гуцин успел шмыгнуть за ним, и закрывающийся двери скользнули по его куртке. Богданов зашел в соседние двери их же вагона, взялся рукой за поручень и еле заметно кивнул Гуцину – «порядок, работаем».

Работать начал и Кадык. Выждал, пока «робот» унылым казенным женским голосом объявил следующую станцию, вслед за чем поезд тронулся и, разгоняясь, вошел в тоннель. А затем начал движение. Кадык прошел к сидячим местам, около которых, держась за петли, замерли несколько пассажиров. Гуцин видел, как Кадык пристроился около девушки. Девушка стояла боком и читала книжку карманного формата. Ее полукрытая сумка висела на плече. Очевидно, Кадык решил попытать счастья именно там.

Не теряясь, вор начал работать. Вот он кашлянул, заставив стоявшего к нему лицом мужика в очках отвернуться. Вот его ладонь медленно заскользила к сумке девушки, прячась между полкой куртки Кадыка и ее, девушки, спиной. Вот Богданов, который медленно продвигался вперед, застыл, готовый действовать – сразу же после того, как кошелек из сумки перекочует к «щипачу»...

...Девушка поправила сумку. Гуцин заметил, как она нахмурилась, почувствовав, что что-то не так. Посильнее прижав висевшую на плече сумку рукой к корпусу, девушка перевернула страницу книжки и вернулась к чтению.

За месяц работы в подземке Гущин поразился, как много места в жизни человека занимает интуиция. И, что характерно, человек даже не подозревает об этом. Вот и эта девушка никогда не узнает, что где-то на обочине ее внимания интуиция, как хорошая оперативная система компьютера, защитила ее от кражи.

А оперов – от улова.

– Коза, – буркнул в сердцах Богданов и, перехватив строгий взгляд сидевший рядом старушки, отвернулся.

Терять время после осечки Кадык не стал. Он отвернулся и шагнул к правой стороне вагона. Пристроился позади женщины средних лет, которая говорила по сотовому. Сумка, как и водится, приоткрыта. Кадык приблизился чуть плотнее, почти касаясь сумку бедром.

– Да? А она чего? – бормотала женщина. Обернулась, смерила Кадыка подозрительным взглядом. Подтянула сумку к себе и отвернулась. – Надо же. Вот гадина какая. А ты ей чего?

Снова осечка.

Заунывный голос промычал, объявляя станцию. Двери распахнулись. Несколько человек вошли в вагон, обступив Кадыка. Он протиснулся между ними и торопливо, словно вспомнив, что ему выходить прямо сейчас, покинул вагон.

Гущин и Богданов выбрались из поезда в последний момент. Толкнув младшего напарника локтем в бок, Богданов шепотом скомандовал:

– Марафетим.

Сам он первым стянул с себя толстовку и повязал ее на поясе, а на голову нахлобучил бейсболку. Гущин нацепил на нос солнцезащитные очки и накиннул на плечи ветровку. Теперь можно поработать по Кадыку еще несколько станций.

Когда отслеживаешь карманника, маскировка – едва ли не половина успеха. Нужно менять не только внешность, но и образ. Только что ты был задумчивым мужичком средних лет, устало изучающим газету – а теперь преобразуешься в молодящегося типа, слушающего музыку в наушниках и жующего жвачку. Именно образ отпечатывается в глазах и памяти других. Карманников, всегда проверяющихся на предмет полицейского хвоста, это касается в первую очередь.

Снова противоположный край платформы, за которой в тоннеле уже грохотал приближающийся поезд. Один из людей на платформе привлек внимание Кадыка. И было отчего – кошелек торчал у него прямо из заднего кармана просторных мятых джинсов. Кадык направился за будущей жертвой прямо в двери вагона.

– Простите, – наткаясь на кого-то, буркнул Гущин и протиснулся в двери за Кадыком. Спины других вошедших загораживали объект слежки, и Гущин осторожно тянул шею то влево, то вправо, стараясь разглядеть вора.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Проспект Вернадского»...

Закрывающиеся двери громко щелкнули, когда кто-то с трудом протиснулся в них. Гущин машинально обернулся – и увидел Кадыка. Тот стоял в метре от Гущина, на платформе, и смотрел прямо на него. В то же мгновение поезд тронулся.

– Твою же мать, – не выдержав, чертыхнулся Гущин.

Богданов тоже оказался в плену уносящегося в тоннель поезда метро. Последнее, что он разглядел между мелькавших на платформе колонн – силуэт Кадыка, который быстрым шагом двигался к выходу на поверхность.

– Срисовал он нас, – уверенно заявил Богданов. – Не просто почувствовал, а срисовал. Только где именно, не знаю. Не жались ведь к нему вроде. Где умудрился срисовать, ума не приложу.

Вечером они сидели в любимом баре и пили пиво, провожая очередной пролетевший рабочий день. С ними был и Курилин, 40-летний опер из их же отделения, которого месяц назад перевели в общий отдел. Собственно, на его место и назначили новичка Гущина.

– Раз на раз не приходится, ты же знаешь, – пожал плечами Курилин, утешая приятеля. – Бывают и пустые дни, как же без них. А ты, Антоха, молодец, – повернулся он к Гущину. – Вон, Витек говорит, что все схватываешь на лету.

– Правильно, – промычал Богданов, вливая в себя залпом одну третью часть пива.

– А это дорогого стоит, парень. Тут ведь у нас как. Не тупая физическая сила в нашем ремесле нужна. Когда-то – вон, Витек не даст соврать – щипачи были элитой криминального мира. Тут нужны и ловкие пальцы, и зверская интуиция, и находчивость. А артистизм. Ага-ага! Хороший карманник – это чувак от бога. Хороший карманник – всегда отличный актер. Правильно я говорю, Витек?

– В натуре, – промычал Богданов и влил в себя залпом вторую треть.

– Вот. А значит, что? Значит, и мы не должны им уступать. Когда наш отдел, антищипачей, только создали, у нас конкурс был – ого-го! Одного из восьмерых только брали, остальных отсеивали. А уж карманники в метро – это вообще отдельная тема. Правильно я говорю?

Богданов проглотил оставшуюся треть кружки.

– Эй, Антоха, сгоняй еще за пивом, а?

Гущин был только рад. Не потому, что любил быть на побегушках у «дедов». А потому, что за стойкой сейчас возилась, что-то ища на полке, официантка по имени Оля. Ее имя Гущин знал благодаря бейджику. Стройная, в обтягивающей черной футболке, подчеркивающей грудь девушки, Оля уже пару недель не давала Гущину покоя.

– Привет, – он постарался улыбнуться девушке как можно более очаровательно и беззаботно. – Можно нам еще по кружке?

Оля нахмурилась:

– Две или три?

– Вот тому старому хрычу лучше уже не наливать, но поди, убеди его в этом! – Оля на шутку не отреагировала. Гущин мысленно чертыхнулся. – Три. Ну и еще орешков каких-нибудь, хорошо?

– Каких-нибудь – это каких?

– На ваш вкус, Оля, – Гущин снова просиял. – Я вам доверяю.

Оля кивнула, улыбнувшись в ответ. Начало положено, обрадовался Гущин.

Когда он вернулся за столик, уже прилично подвыпившие Богданов и Курилин ударились в пьяные рассуждения.

– Люди всегда боятся других людей, – язык Богданова чуть заплетался. – Это у нас в подкорке, с первобытных времен. А уж в местах большого скопления людей тем более. А метро – это втроене стресс. И потому, что душегубка, куда все забиваются, как кильки в банке. И потому, что такое это место, откуда так просто не выйдешь. Ну и плюс шум... Сто децибел, нехило, а? А в итоге мы имеем что? В итоге мы имеем инструмент разрушения психики людей.

– Хм, – отозвался Гущин.

Богданов рассердился.

– Ты мне тут не хмыкай. Я под землей 15 лет оттарабанил вместе с, вон, Серегой. И всякое повидал. Ты вот знаешь, пацан, что почти две трети москвичей – две трети, твою мать! – в метро себя чувствуют не в своей тарелке? А процентов 20—25 человек вообще никогда сюда не заходят. Почему? Потому что психика разрушается. Не выдерживают люди. Страх иррациональный, мать его. Здесь переплетаются почти все человеческие фобии. Страх замкнутого пространства, страх заразиться, страх попасть под колеса, страх стать жертвой... Метро – это воплощение почти всех наших страхов, парень. Я на своем веку много смертей в метро повидал. Ты вот знал, парень, от чего умирают сами работники метрополитена?

– От того, от чего и все, наверное, – пожал плечами Гущин.

– Базара нет, в основном так. Но есть у них и профессиональная болезнь. Знаешь, какая? Ишемическая, мать твою, болезнь сердца. Человек не относится к тем, кто боится метро. Он тут работает. И все нормально. Но каждый день, незаметно, исподтишка, метро разрушает его сердце – каждый раз, когда человечек спускается под землю. Тик-так, чувачок, тик-так. Тик-так...

Гущин выслушивал нечто подобное целый месяц. С тех пор, как перешагнул порог их ОВД на метрополитене.

Вообще, Гущин не собирался служить в метро. Так карта легла. В полиции Москвы из-за участвовавших карманных краж создали особые курсы, которые должны были пройти большинство работавших на «земле» оперов-территориалов. Гущин, тянувший ляжку в должности младшего оперуполномоченного, исключением не стал и был направлен на недельное повышение квалификации в школу полиции. Здесь перед ними предстал сухенький усатый мужичок, объявивший, что 30 лет своей жизни он боролся с карманниками – и теперь расскажет и покажет им, как это делать.

– В нашем деле есть свои сложности, – рассказывал преподаватель. – Преступление-то неочевидное. В 99% случаев потерпевший не подозревает, что уже стал потерпевшим. Чтобы все прошло, как по маслу, мы должны не просто зафиксировать факт преступления. Мы должны поймать карманника за руку, а потом еще и обработать терпилу, чтобы он проверил карманы и согласился написать заявление.

На курсах Гущин узнал, что с каждым годом карманных краж становится в Москве все больше. Город прирастает округами, разрастается, увеличивается количество приезжих. Сухая статистика: на одну зарегистрированную карманную кражу приходится до 70 незарегистрированных. Это значит, что ежегодно в столице жертвами карманников становятся более 700 тысяч человек. Каждый год в Москве расстается с кошельками количество людей, сопоставимое с крупным российским городом.

– Посмотрите на людей в метро глазами карманника, и вы многое увидите, – вещал педагог в погонах. – Москвичи ведь ведут себя так, как будто они спят и видят, чтобы их обокрали. Особенно женщины. Классический вариант: мадам, которая повесила сумку на плечо и думает, что теперь ее вещи в безопасности. Она в этом так уверена, что часто даже молнию не додумывается закрыть! Она считает, что следит за вещами. Ничего глупее быть не может. Каждая такая женщина – ходячая жертва карманника. Вопрос не в том, щипнут ли ее – вопрос в том, когда это будет.

На курсах Гущин выяснил, какие основные типы карманников существуют. Раньше он и не подозревал, что их так много. Простейший карманник – так называемый посадочный вор. Такой работает на остановках: срисовывает, когда люди в ожидании метро или автобуса проверяют кошельки или возятся с телефонами, запоминает, в какие карманы отправляется имущество – и ждет посадки в транспорт. Во время толчеи происходит сам «щипок». Другой распространенный тип – бакланчики, работающие в парах. Один отвлекает внимание жертвы. Второй совершает кражу, прикрывая рывок сумкой или пакетом. А еще есть салонные воры, пинцетники, писаки, трясуны и другие.

Каждый день с 9 утра до 1—2 часов дня слушатели изучали теорию. А потом переодевались в штатское и выдвигались «закреплять результаты» «в поле».

– Запомните обобщенный портрет среднего щипача, – учил их инструктор. – Ему от 20 до 35 лет, иногда больше. Чаще всего худощавый. Одевается неброско, в серое или темное, чтобы ничем не выделяться в толпе. И, конечно, взгляд. Щипач смотрит, не как все. Он следит не за прибывающим транспортом, потому что плевать ему, куда ехать, он никуда не торопится. Он следит за пассажирами. Ищет лоха. Взгляд, как правило, направлен вниз. В руках обычно газета, или пакет, или легкая сумка. Что это, зачем? Правильно, это ширма.

«Полигоном» для обкатки получаемых знаний стали самые неблагоприятные места Москвы по части карманных краж. Несколько рынков, автовокзалы – и, конечно, метрополитен. Особенно его южная и восточная части, где наблюдается самое большое количество краж.

По итогам занятий оказалось, что Гушин вошел в число лучших на курсе. И его, неожиданно для себя самого, направили в отдел по борьбе с карманниками. Так он и стал младшим соратником Богданова.

Следующий день вроде бы ничем не отличался от предыдущих. Но – только вроде бы. На самом деле именно тогда, на следующий день, все и началось.

2

– На три часа, – буркнул Богданов, меняя марафет – убирая в карман бейсболку и натягивая капюшон кофты на затылок.

Справа, на три часа, Гушин разглядел в толпе снующих по платформе пассажиров двоих знакомых. Лично Гушин не успел с ними познакомиться, зато хорошо знал обоих по фотографиям – в его обязанности, как новичка, входило ежедневное изучение фототеки всех зарегистрированных и проходящих по досье полиции метрополитена карманников. Короткостриженный, небритый Ваха в серой ветровке. И 26-летний щуплый, с восточным разрезом глаз, Кузьма. Это была его кличка. Оба топтались у края платформы, делая вид, что ждут поезд – а сами укладкой сканировали сумки потенциальных жертв.

– Заходи слева.

Когда подошел поезд, опера загрузились в вагон вслед за Вахой и Кузьмой. Гушин заметил, как те обменялись едва заметными жестами.

– Договариваются, кто будет щипать, а кто прикрывать, – шепнул Богданов. – Эти двое часто вместе работают.

В качестве жертвы они выбрали семейную пару. Полная низенькая женщина с сумкой и ее тщедушный мужичок в старомодных стареньких очках. Ваха протиснулся к ним – очевидно, роль прикрытия досталась ему. Он встал боком между супругами, блокируя и отсекая мужичка. А затем принялся привлекать к себе внимания, громко и противно собирая в горле мокроту – так, как часто делают заядлые курильщики. Супруги, как и должно быть, зашевелились, чтобы вернуть равновесие. В этот момент позади женщины начал работать Кузьма. Прикрываясь пакетом, он потянул пальцы к ее сумочке. Гушин этого не видел, но угадал по характерному движению плеча.

Продвигаясь вперед и не сводя глаз с Кузьмы, Гушин успел заметить кошелек в его руке. Секунда – и кошелек отправился назад в сумочку. Очевидно, Кузьма поспешил, потому что женщина что-то почувствовала. Она строго обернулась и сказала:

– Эй!

В этот момент перед ними вырос Богданов.

– Антоха, этого держи! – бросил, теперь уже не таясь, он Гушину, а сам схватил Кузьму за запястье. – Не шевелись, Кузьма. Женщина, полиция. Проверьте свой кошелек.

– Что? – растерялась та. – Чего это? Чего?

Богданов повторил. Гушин тем временем блокировал Ваху. По его бегающим глазам, которые он бросал на двери вагона, Гушин понял, что карманник рассматривает и версию побега, и покачал головой:

– Не советую, хуже будет.

В этот момент поезд стал замедляться, за окном замелькали колонны, а уставший голос по громкоговорителю объявил станцию – «Парк культуры». Богданов вывел на платформу Кузьму, Гушин Ваху, растерянные супруги выбрались следом. Присев на скамейку у одной из колонн, женщина забралась в свою сумочку и принялась в ней рыскать. Нашла кошелек, открыла, зашевелила пальцами и губами. Подняла глаза.

– У меня не пропало ничего.

– Пересчитайте.

– Да не пропало ничего, говорю. Столько же, сколько и было. Что я, денег своих не знаю? Богданов мысленно выругался.

– Ладно. Извините за беспокойство. Больше вас не задерживаем. А вы двое идете с нами.

Полная женщина и ее тщедушный мужичок удалились, что-то ворча. Кузьма и Ваха вели себя спокойно, что только раздражало. Их повели в местное отделение, расположенное у пере-

хода. Богданова люди в форме признали, а вот Гушин на всякий случай показал удостоверение – за месяц службы он успел познакомиться не со всеми людьми подземелья.

– Документы, – командовал Богданов. – Карманы вывернул. Вещи на стол. Медленно! Ты тоже.

А в это самое время в десятке километров от «Парка культуры», но в паре минут езды от нее – на станции метро, где располагалось отделение полиции на метрополитене, к которому были прикреплены оперативники – происходили странные вещи.

Все началось, когда в метро спустился худощавый и жилистый, черноволосый парень лет 25—30 с характерной восточной внешностью. На нем были кожаная куртка и черная вязаная шапочка, а за плечами висел полупустой городской рюкзачок. Самый обычный парень, которых в метро пруд пруди – глазу не за что зацепиться. Он прошел через турникеты и начал спуск вниз по облицованным мрамором ступенькам. Людей было много – будни, разгар дня – и парень с рюкзаком, хоть и спешил, но не пробивался вперед, не обгонял и не работал локтями, а старался держаться в потоке.

Шагая вниз, парень с рюкзаком периодически совал руку в карман и что-то проверял. Убедившись, что это что-то на месте, он убирал руку, но через несколько секунд машинально снова шнырял ладонью в карман – убедиться, что драгоценное нечто продолжало оставаться там, где ему положено быть.

Когда парень с рюкзаком вышел на платформу, поезд только тронулся и с нарастающим гулом и свистом понесся в тоннель, как гигантский червяк, которому сделали угол адреналина. Спешить тем более было необязательно. Парень с рюкзаком двинулся вдоль ряда колонн к центру платформы.

Какой-то неловкий тип задел его плечом – так, что парня развернуло на 45 градусов. Он уже открыл было рот, чтобы сказать хаму пару ласковых, но хама не обнаружил. Повсюду были только снующие по своим делам люди, и парень понятия не имел, кто именно задел его.

Ну и черт с ним, подумал парень и продолжил движение. Через пару секунд он сунул руку в карман, чтобы в очередной, неизвестно какой по счету, раз убедиться в наличии его драгоценного имущества. И застыл, невольно разинув рот. Потому что карман оказался пуст.

Карманник! Его обокрали!

Парень с рюкзаком похолодел. Он принялся озираться по сторонам, в лихорадочной и панической попытке понять и вычислить, кто так нехорошо с ним поступил. Это было бесполезно.

Парень вспомнил все ощущения от толчка неизвестного в плечо. Теперь он убедился окончательно – парень стал жертвой карманника.

Парень бледнел с каждой секундой. Озираясь и мечась по платформе, он забыл, куда держал путь. словно вся его жизнь изменилась раз и навсегда. Впрочем, так оно и было.

Парень с рюкзаком понятия не имел, как теперь быть. Ехать на встречу было бесполезно. Отложить ее, восстановить данные и передать их позже, делая вид, что ничего не случилось?

А если... Парень побледнел еще больше. А если это был – не просто карманник? А если кто-то о чем-то узнал, и сейчас его сделали пешкой в чужой игре? А если теперь все их Дело – под угрозой?

Парень не мог рисковать всем. Он выхватил телефон и принялся названивать по одному ему известному номеру. Когда на том конце послы двух гудков взяли трубку, парень затараторил. Он говорил возбужденно, стараясь тихо, но его голос все равно слышали все прохожие. Многие косились на него: во-первых, парень вел себя нервно и был взвинчен, во-вторых, он продолжал озираться по сторонам, хотя глупо было на что-то надеяться, в-третьих, он говорил на никому из прохожих не известном гортанном языке.

Парень замер на полуслове, когда в толпе мелькнули синие мундиры. Их было двое. Двое полицейских – с дубинками, рациями и жетонами на груди – шли прямо к нему. Только сейчас парень понял, каким был дураком, что так себя повел. Он похоронил все шансы на успех.

– Молодой человек, – когда до парня оставалось пара метров, сказал один из полицейских, – Ваши документы, пожалуйста.

Парень вел себя, как дурак, потому что не был готов к предыдущему инциденту в метро. Его к такому не готовили. Но к нынешнему инциденту он был подготовлен. Нечто подобное он переживал мысленно десятки раз. И сейчас ему не нужно было принимать никаких решений – решение было принято уже очень давно.

Он развернулся и побежал. Парень с рюкзаком со всех ног бросился к выходу в город. Он неся вперед, расталкивая прохожих, которые что-то вскрикивали, ойкали или просто немели. Позади раздался вопль «Полиция! Стоять!», но парень лишь увеличил скорость. Ему было необходимо вырваться наружу.

Толпа впереди стала подниматься вверх, как живой склон человеческой горы – ступеньки, ведущие к выходу на поверхность. Но именно там его поджидали новые неприятности. В толпе он различил человека в полицейской форме. Тот посмотрел на парня с рюкзаком, удивляющегося от кого-то, разглядел в 5—6 метрах позади бегущих коллег в форме – и сообразил.

– Стоять! – крикнул полицейский и побежал наперерез. Прямо на парня.

Остановился он лишь на долю секунды. Слева от платформы все завибрировало и завывло, а платформу станции метро заполнили увеличивающиеся и нарастающие гул, свист и стон из тоннеля. Поезд. Парень оглянулся на настигающих его преследователей, которые уже тянулись к своим дубинкам. Парень с рюкзаком стиснул зубы и метнулся налево, к краю платформы. А потом прыгнул вперед.

Поезд, вынырнувший из темноты, осветил ярким лучом прожектора лицо рухнувшего на рельсы перед ним человека в черной куртке и с рюкзаком на плече. А потом был удар. И следом – крики, охи и ахи очевидцев, которые становились все громче.

Патрульные остолбенели, глаза на визжащий от экстренного торможения поезд метро и не веря своим глазам. Потом переглянулись, и один из них дернул с пояса рацию:

– Центральная, пост 45—1, у нас ЧП!

На станции «Парк культуры» Гуцин и Богданов смотрели вслед удалявшимся по переходу Вахе и Кузьме.

– Надо же, как подфартило сукам, – ворчал Богданов. – Он ведь вытащил лопатник! И сразу назад сунул, гнида. То ли почуял что-то, то ли... Черт.

– И что будем делать?

Богданов пожевал что-то во рту и сплюнул.

– Они продолжают работать. Давай за ними. Только теперь осторожно.

Выдвигаясь за карманниками, оперативники быстро переоделись. Богданов снова нацепил бейсболку, а на шею повестил наушники. Гуцин на ходу вывернул двойную – купил специально для работы! – ветровку, превратив ее из серой в синюю, нацепил на нос широкие солнцезащитные очки и затолкал в рот половину пачки жевательной резинки.

А затем карманники разделились. Гуцин видел, как Ваха и Кузьма перебросились парой фраз и разошлись. Ваха двинулся к выходу в город, а Кузьма направился к переходу с Сокольнической на Кольцевую.

– Все, – буркнул Гуцин. – Отбой.

Богданов не собирался сдаваться.

– Ничего не все. Им подфартило, не каждому так везет. А день-то только начинается. Не с пустыми же руками им с работы возвращаться. Ваха – черт с ним, но Кузьма еще собирается поработать. Вот увидишь.

Гуцин послушался, потому что ничего другого ему не оставалось.

Кузьма всем своим видом демонстрировал, что шарить по карманам больше не собирается. Зайдя в вагон, он уселся, извлек из своего пакета газету и принялся читать. Пару раз стрельнул глазами по сторонам, проверяясь. Гуцин исподлюбя, стоя в 10 метрах от карманника и, несмотря на расстояние, еще и маскируя свой взгляд очками, видел, как Кузьма быстро скользнул взглядом по нему, не останавливаясь. Слава марафету.

Вор доехал до «Таганской». Там засобирался. Уже на платформе Гуцин сообразил, что Богданов был прав – Кузьма не собирался сдаваться. Потому что вместо выхода в город он перешел на Таганско-Краснопресненскую линию и принялся бродить по платформе, выискивая жертву.

– Он на Беговой как-то раз кошелек ломанул, – вспомнил Богданов. – По камерам его срисовали, да предъявить нечего было.

Заходя в вагон, Кузьма на секунду прижался к толстяку. Когда тот обернулся, Кузьма, как и полагается, сделал рожу кирпичом и просто обошел его.

– Ничего не спер, – предугадывая вопрос Гуцина, кратко бросил Богданов.

Опера вошли в соседние двери вагона и замерли у поручня, следя за Кузьмой. Тот прошепствовал на пару метров в их сторону, подальше от заметившего его – и наверняка запомнившего —толстяка, ухватился за петлю и с отсутствующим видом уставился в окно.

Но так продолжалось недолго. Уже перед «Кузнецким мостом» сидевшая в метре от Кузьмы женщина в наушниках сунула книжку в сумочку, забросила ее на плечо и направилась к выходу. Кузьма пристроился следом. Богданов одним взглядом отдал команду, и Гуцин принялся продираться в сторону домушника.

Поезд прибыл на станцию, когда их разделяли жалкие два метра. Со своей позиции Гуцин отлично видел все. Когда поезд начал замедлять скорость перед остановкой, кучка желающих выйти пассажиров сгруппировалась у выхода. Кузьма держался строго за девушкой. Приподнял пакет, прикрываясь им, как ширмой. Время он рассчитал тютельница в тютельку – когда карманник выудил кошелек из сумочки, та дернулась, девушка почувствовала что-то, но в этот момент двери распахнулись. опередив ее и еще раз задев, теперь локтем, сумочку девушки – чтобы показать, что ее предыдущее «что-то» не таило в себе никакой угрозы – Кузьма просочился вперед и выскользнул на платформу перед своей жертвой.

Оказавшись на станции, Кузьма тут же шагнул в сторону перехода на «Лубянку». Гуцин обернулся, увидел Богданова и махнул ему рукой на удалявшуюся в другую сторону девушку. Тот кивнул. Тогда Гуцин бросился к Кузьме.

– Секунду!

– Что? – Кузьма не верил своим глазам. – Опять?

– Руки, чтоб я видел! – рявкнул Гуцин, напрягая глаза. – Только попробуй мне скинуть, зубы выбью, понял?

Девушка, которой Богданов торопливо объяснил, в чем дело, бросилась проверять сумочку. Ее глаза расширились, когда она обнаружила отсутствие кошелька.

– Его нет! Мои деньги... Их нет!

Богданов едва не крякнул от удовольствия.

– Пройдемте с нами.

В этот день на их станции от оперативников дежурил Курилин. Богданов похвалился ему, связавшись по служебному телефону, что они взяли Кузьму, и, как всегда, предложил это дело вечером отметить. Если бы день прошел впустую, они все равно что-нибудь, да отмечали бы, поэтому Курилин согласился. Но дождаться приятеля и новичка-Гуцина в стенах ОВД ему не удалось – рация захрипела, телефоны зазвонили наперебой, и Курилин узнал о произошедшем на их родной станции ЧП.

Когда он прибыл на платформу, где неизвестный парень с рюкзаком сломя голову сиганул под поезд, та была уже забита коллегами и работниками метрополитена. Движение на ветке

приостановили на несколько минут – на время, которое понадобилось, чтобы найти между поездом и задней стеной тоннеля, облицованной мрамором, обмякшее тело неизвестного с переломанными костями, и выудить его на поверхность. Труп положили в конце платформы, за крайней колонной, и, чтобы не смущать пассажиров, даже отгородили его металлическим заборчиком и накрыли куском брезента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.